

Глава 49. Четыре великих радости жизни

— Призыв на службу? Так скоро? — опешил Цю Хуанянь.

Услышав от Ху Цюань о том, что двор ввёл дополнительную трудовую повинность в приграничных уездах, юноша уже догадывался, что уезд Чжан, расположенный не так уж далеко от границы, не избежит этой участи. Но он всё равно не ожидал, что это случится так быстро.

— Меньше чем через месяц начнётся осенняя жатва...

— Именно потому, что скоро жатва, — медленно покачал головой Ду Юньсэ. — После сбора урожая у нашего государства будет в достатке и продовольствия, и свободных рук. Правители степных племён тоже это понимают, поэтому они непременно попытаются пойти ва-банк до начала жатвы. Хотя от У Шэня вестей ещё не было, судя по нескольким волнам призыва на службу в приграничье, ситуация уже крайне напряжённая.

Людей, призванных на службу в приграничные районы, заставляли перевозить провиант и военное снаряжение, возводить укрепления, убирать поля сражений. Если же в армии не хватало солдат, их бросали в бой. Из всех видов повинностей эта была самой смертоносной.

— В нескольких приграничных уездах людей призывали уже дважды. Ради защиты земель и ради осеннего урожая в ближайшее время новый призыв там невозможен. Но людей на границе по-прежнему не хватает, поэтому приходится набирать их в других местах.

Цю Хуанянь озабоченно нахмурился:

— У нас будет вторая волна?

Выражение лица его собеседника оставалось серьёзным.

— Судя по тону уездного судьи Вана, этого не избежать.

— ...

Цю Хуанянь вздохнул. В его сознании уже мелькали имена и лица жителей деревни Ду, которым предстояло отправиться на эту службу. За те полгода, что он провёл здесь, он успел хорошо узнать этих людей, привыкнуть к ним. Теперь же он с тревогой думал о том, кто из них может не вернуться.

— А что за история с императорским посланником, связанным со вторым принцем?

— Этот чиновник был избран после долгих споров при дворе, чтобы возглавить в Ляочжоу расследование по делу о контрабанде на границе. Его зовут Чжао Тяньюй. Он получил степень цзиньши в шестнадцатом году правления императора Юаньхуа. Его наставником на экзаменах был дед второго принца по материнской линии, который высоко его ценил. Сам Чжао Тяньюй обладает талантом в строительстве и управлении, превосходно справляется с административными делами, поэтому после вступления на чиновничий путь его карьера стремительно пошла вверх.

Шестнадцатый год правления Юаньхуа был шесть лет назад. Чжао Тяньюй стал цзиньши всего шесть лет назад и уже дослужился до императорского посланника. Даже для всей истории династии Юй это было невероятно быстро.

— Почему же выбрали именно человека второго принца?

— Возможно, ради равновесия. Третий принц уже получил титул Цзинь-вана, так что и второму принцу нужно было дать какой-то противовес. Кроме того, способности самого Чжао Тяньюя подходят для этой миссии.

«Противовес? Кто мог его дать? И какой противовес?»

«Кроме Сына Неба, кто ещё в борьбе за престол мог свысока наблюдать за происходящим и уравновешивать чаши весов, на которых находились соперничающие принцы?»

«Чего же добивался император Юаньхуа? Он держал наследного принца под домашним арестом, но не лишал его титула. Двух других самых сильных взрослых сыновей он тоже держал в руках, играя ими, словно гирьками на весах»

Они находились далеко в Ляочжоу, не зная всех подробностей, и пока не было нужды слишком глубоко в этом разбираться.

Ду Юньсэ сменил тему:

— Я также узнал о происхождении недавно приехавшей Ду Цзыжун и её детей.

— Что за происхождение? Неужели они и вправду связаны со столичным князем? — заинтересовался Цю Хуанянь.

Последние несколько дней Юйчуань с братом и матерью постоянно крутились у его ворот, время от времени отпускавая колкости. Хотя это не причиняло реального вреда, но было весьма неприятно.

— У второго принца много доверенных купцов, и муж Ду Цзыжун, Бай Яньвэнь, — один из них. Однако несколько лет назад он попал в немилость из-за неудачно выполненного поручения. На

этот раз второй принц отправил торговцев в Ляочжоу для содействия Чжао Тяньюю, а муж Ду Цзыжун как раз несколько лет вёл дела в тех краях. Так он и получил возможность искупить вину, отправившись сюда.

— Вот оно что. Значит, они не солгали, сказав, что служат столичному князю.

Хотя второй принц ещё не получил титул князя, он был родным сыном императора, и его клан по материнской линии был весьма влиятелен. Рано или поздно он стал бы князем.

Цю Хуанянь счёл это странным:

— Хоть он и попал в немилость, но всё же служит принцу, состояние у него должно быть немалое. Почему же его жена и дети одеты так просто, живут у вдовы Чжуан и ничем ей не помогают?

Ду Юньсэ ответил:

— Уездный судья Ван сказал, что законная жена Бай Яньвэня — дальняя родственница супруги второго принца. Ду Цзыжун, должно быть, наложница. Они вернулись в родную деревню, а Бай Яньвэнь, находясь в уездном городе Чжан, совершенно ими не интересуется. Вероятно, за этим кроются какие-то семейные тайны.

Юноша не ожидал такого поворота, но, поразмыслив, понял, что всё сходится.

Цзыжун в своё время сбежала без сватовства с богачом неизвестного происхождения, заставив мать задним числом согласиться на брак. После этого она много лет не возвращалась домой, семьи не поддерживали никаких отношений, даже новогодних подарков друг другу не посылали. Лишь изредка доходили какие-то обрывочные слухи. Это совсем не походило на отношения между породнившимися семьями.

Даже деревенские жители на Новый год навещали родственников со стороны супруга, принося в дар рис и мясо. А Цзыжун, выйдя замуж за богача, словно в воду канула.

Если та стала наложницей у богатого купца, связанного с принцем, а его законная жена была из знатного рода, то всё становилось на свои места. Деревня Ду действительно не считалась ровней для таких свояков.

Впрочем, раз Цзыжун смогла прожить в доме Бай Яньвэня десять с лишним лет и родить сына и дочь, жилось ей, вероятно, не так уж и плохо. Должно быть, случилось что-то непредвиденное, раз её отправили обратно в родную деревню.

Цю Хуанянь вспомнил высокомерный, полный презрения вид Юйчуань и с улыбкой покачал головой:

— Неудивительно, что эта девочка ведёт себя так, будто мы все люди низшего сорта. Она и вправду привыкла к роскоши. Интересно, сможет ли она в итоге приспособиться к простой деревенской жизни.

Узнав о происхождении матери и детей, он окончательно успокоился. За ними стоял купец Бай Яньвэнь, за ним — императорский посланник Чжао Тяньюй, а за тем — второй принц.

Такая запутанная цепочка связей, да к тому же Бай Яньвэнь по неизвестной причине бросил их здесь. Как бы они ни буйствовали, реального вреда причинить не смогут.

— Уездный судья Ван срочно вызывал тебя в управление. У него есть какие-то соображения?

— Он несколько дней принимал Бай Яньвэня и, не зная намерений Чжао Тяньюя, чувствовал себя неуверенно, потому и позвал меня для совета.

— Эх, надеюсь, этот императорский посланник действительно займётся расследованием контрабанды и перекроет канал снабжения степняков, а не будет погрязать в борьбе за власть и набивать собственные карманы.

На следующий день после возвращения Ду Юньсэ из уездного управления Чжан по всем деревням разослал гонцов с приказом о дополнительном призыве на трудовую повинность. Крестьян охватила тревога, и даже золотеющие на полях колосья, казалось, померкли.

Братья Юньтин и Юньлэй, услышав новости от прибежавших на поле родных, молча опустили мотыги и переглянулись, не зная, что сказать.

— Я пойду. Пятый брат скоро женится на таком хорошем гээр, которого с трудом нашли. Нельзя это откладывать.

— Юньлэй, я...

Младший брат отмахнулся своей огрубевшей рукой и, усмехнувшись, сказал:

— Не говори ничего, пятый брат. На службу всегда шли неженатые и те, кто моложе. У меня меньше всех забот. Если не вернусь, просто усыновите ребёнка на моё имя, чтобы мой род не прервался, и было кому прибраться на могиле.

Юньтин в растерянности потёр руки, не находя слов. Юньлэй тяжело хлопнул его по плечу.

— До отправки на границу осталось семь дней. Пятый брат, поговори с семьёй невесты, может, свадьбу пораньше сыграете? Я хоть на твоём пиру погуляю, а потом со спокойной душой в путь. Если со мной что-то случится, это не мешает тебе жениться.

Тот тяжело вздохнул:

— ...Хорошо.

Кроме братьев Юньтина и Юньлэя, во многих других семьях деревни Ду тоже спорили, кому идти на службу. В семьях, где отношения были натянутыми, а братьев мало, дело доходило до ссор и драк. Ведь эта служба была не из обычных, она могла стоить жизни.

Семья главы клана столкнулась с той же проблемой. Отослав гонца, старейшина собрал всех домочадцев в главной комнате.

По законам династии Юй, на трудовую повинность могли призываться мужчины в возрасте от двенадцати до шестидесяти лет. Таким образом, под призыв попадали трое сыновей Ду Чжэньхэ и его старший внук Юньчэн.

— Через семь дней новая партия призванных из уезда Чжан отправится на границу. Вы, трое братьев, решайте между собой.

Третий сын, Баоли, нахмурился:

— Не проще ли заплатить пять-шесть лянов серебра и нанять кого-нибудь из бедной многодетной семьи? Все богатые в округе так и делают. Даже если в этот раз призывают по одному человеку с каждого двора, цена просто будет выше, но найти замену всё равно можно.

Перед лицом денег человеческая жизнь порой ничего не стоила.

Глава клана со вздохом покачал головой и, не глядя на третьего сына, обратился к старшему:

— Баожэнь, скажи ты, почему так нельзя.

Тот серьёзно ответил:

— В этот раз двор призывает людей с каждого двора, значит, дело очень срочное. Многие семьи и так не хотят отпускать своих. Если отец, как глава клана, не подаст пример и не отправит сына или внука, боюсь, найдутся недовольные, и с призывом возникнут проблемы. Уездный судья тоже не будет рад.

Ду Чжэньхэ медленно кивнул. Не успел он ничего сказать, как сын Баоли, Юньчжэ, пользуясь своей молодостью, выпалил:

— Тогда пусть идёт второй дядя! Он дома больше всех бездельничает. У моей мамы скоро будет ребёнок, отцу нельзя уходить.

Стоявшая в углу Цуньлань резко сжала кулаки, ногти впились в ладони.

Е Таохун не выдержала:

— Это жена Баоли беременна, а не он сам! Почему ему нельзя идти? Что, её живот такой драгоценный?

— Жена второго, не кричи, когда обсуждаются важные дела, — нахмурившись, прервал её глава клана. — Юньчжэ, ты ещё молод, не лезь в разговор.

Женщина хотела было возразить, но Мэн Фуюэ остановила её. Она хорошо знала своего свёкра: он не потерпел бы ссоры в семье, и Е Таохун своим поведением лишь ухудшила бы своё положение.

Баожэнь не хотел смотреть, как братья ссорятся. Хоть он и сам не желал идти на службу, но понимал, что этого не избежать.

— Отец, может, я пойду? В нашей ветви семьи двое мужчин, я и Юньчэн, так будет справедливо.

Старейшина стукнул посохом.

— Что значит «в твоей ветви»? Мы ещё не разделили семью! С каких это пор, если только нужда не заставит, старшего сына отправляют на риск? — Он помолчал и добавил: — У жены третьего скоро родится ребёнок, ему действительно сейчас уходить нельзя. Второй, в этот раз пойдёшь ты.

Сердце Баои упало. Встретившись с отцом взглядом, он стиснул зубы и ответил:

— Хорошо, я пойду.

Глаза Е Таохун наполнились слезами. Цуньлань, обнимая младшего брата, который ничего не понимал, стояла как в тумане. Юньчжэ бросил на неё вызывающий взгляд, но девочка, стиснув зубы, промолчала.

Глава клана, немного подумав, добавил:

— Второго отправляем из-за беременности жены третьего, но нельзя, чтобы вся тяжесть легла на него. Третий, будешь больше работать по дому. Жена второго, возмёмшь из общих денег два лянна серебра, сшейте себе с Цуньянь по новому платью. На этом и решим. Жена старшего, помоги в эти дни собрать Баои в дорогу.

Выйдя из главного дома, семья второго брата вернулась в свою боковую комнату. Е Таохун наконец не выдержала и заплакала.

Баои, сгорбившись, принялся её утешать:

— Когда ты только вышла за меня, я тебе совсем не нравился. Что же ты теперь не рада, что я ухожу?

Жена со слезами на глазах фыркнула:

— Сколько лет прошло, а ты всё помнишь эту старую обиду. У старшего брата только Юньчэн, но он способный. У третьего целых три сына, и, может, ещё один родится, отец от них без ума. Только наша вторая ветвь вечно крайняя. Если ты не вернёшься, не думай, что я буду хранить тебе верность. Заберу Цуньянь, вернусь к родителям и снова выйду замуж. Сына оставлю вашему роду Ду, всё равно вы дочерьми не дорожите.

Муж с нежностью обнял её.

— Кто сказал, что я дочерью не дорожу? Наша Цуньянь — свет в окошке для нас обоих. Отец вот разрешил взять два лянна серебра на платья для вас. Ты же всегда втайне завидовала нарядам братца Хуа и Цзюцзю. Разве не рада?

Нос Е Таохун защипало, и она всхлипнула:

— Если это ценой твоей жизни, то хоть в наряд феникса меня обряди, какая польза! Лучше уж сразу траурную одежду покупать.

— Ну что ты такое говоришь, не так уж всё и страшно. Только проклинаешь меня, перестань думать о плохом, — Баои огрубевшим большим пальцем стирал слезинки в уголках глаз жены. — Я тебе обещаю, я обязательно вернусь. Нам ведь ещё нужно приданое для нашей Цуньянь копить, хорошего мужа ей найти.

Цуньянь, глядя на рыдающих родителей, молча всхлипывала на кане. Ей не нужно было новое платье. Она была готова отказаться от учёбы, от грамоты, целыми днями выполнять самую тяжёлую работу, лишь бы не рисковать потерять отца.

Тёмная туча призыва нависла над деревней Ду. Даже семью Цю Хуанянь, которую это не коснулось напрямую, затронула общая атмосфера. Соседи перестали заходить в гости. На улице стало меньше людей, с кем можно было поздороваться. Все ходили понурые, с тяжёлыми мыслями.

Так прошло несколько дней, и наконец в деревне появилась радостная весть. Цю Хуанянь, получив от Юньлэя приглашение на свадьбу, с улыбкой сказал:

— Юньтин наконец-то женится! Мы обязательно придём помочь.

Юноша вежливо ответил:

— Сроки очень сжатые, всё готовим в спешке. Будем рады, если вы просто придёте, братец Хуа.

— Из вашей семьи ты идёшь на службу?

Юньлэй кивнул.

— Да, я самый младший и не помолвлен, так что подхожу лучше всех. Пока я не ушёл, отпразднуем свадьбу пятого брата. Это и для деревни будет радостным событием.

Цю Хуанянь всё понял. Помимо причин, названных собеседником, была и ещё одна.

«Если Юньлэй погибнет на службе, в семье будет траур, и свадьбу пришлось бы отложить на неопределённый срок»

Свадьбу Юньтина назначили на следующий же день. Вечером Цю Хуанянь собрал кое-какие вещи и вместе с Цзюцзю отправился помогать.

Братья Юньтин и Юньлэй несколько месяцев работали у него, и он испытывал к этим трудолюбивым парням глубокую симпатию. Семья жениха была одной из самых бедных в деревне. У них даже не хватало столов для пира, пришлось занимать у соседей.

Цю Хуанянь нашёл два стола и восемь табуретов, которые Юньлэй уже забрал. Завтрашний пир планировался по принципу «четырёх больших чаш» — так это образно называли в деревне. На самом деле они были размером с кулак. На каждый стол ставили по чаше свинины, курицы, фрикаделек и жареных яиц.

Эти блюда не пополнялись. Каждому гостю доставалось по паре кусочков, чтобы только

попробовать. Кроме того, подавали несколько тарелок дешёвых овощей вроде квашеной капусты и зелени, которые добавляли по мере необходимости.

В их маленьком огороде как раз поспели стручковая фасоль и баклажаны. Цю Хуанянь собрал по полкорзины того и другого и отнёс в дар. Кроме того, он купил два цзиня свинины и пять цзиней тофу, чтобы добавить к завтрашнему столу.

Семья Юньтина сама съездила в город и купила пять цзиней свинины, курицу и кучу дешёвых потрохов на фрикадельки. И это только благодаря тому, что братья в этом году подзаработали у Цю Хуаняня. Иначе они не смогли бы устроить даже такой скромный пир.

Родственники Юньтина усадили гостя за стол. Пришли и Мэн Фуюэ с Е Таохун. Глава клана велел невестке принести в дар большую ошипанную курицу и полкорзины яиц.

Семья Юньтина с радостью приняла подарки. С таким подспорьем завтрашний пир будет немного щедрее. Другие жители деревни тоже по мере сил принесли что-то в дар, но мяса больше никто не давал.

Цю Хуанянь сидел и болтал с остальными. Самой популярной темой для разговоров в деревне, естественно, была служба.

— Ваша семья сама кого-то отправит или наймёте замену?

— Свёкор уже решил, пойдёт Баои.

— Баои? — Юноша удивился, услышав это имя.

Если судить по старшинству, самым младшим был Юньчэн, но он с юных лет стал туншэном, и его ждало блестящее будущее. Семья главы клана ни за что не отправила бы его. Но даже если тот не пойдёт, у Баои был младший брат Баоли. Оба женаты, у обоих дети. Почему же выбор пал не на младшего?

— Жена моего третьего деверя уже несколько месяцев как беременна. Свёкор пожалел ещё не родившееся дитя, поэтому и не отправил Баоли, — туманно объяснила Мэн Фуюэ.

Цю Хуанянь заметил, что Е Таохун сегодня была в шёлковом платье, и на Цуньлань тоже был новый наряд, но радости от обновок на их лицах не было. Он начал догадываться, в чём дело. В дела семьи главы клана он вмешиваться не мог. Подумав, юноша обратился к притихшей женщине:

— Дядя Баои уйдёт, неизвестно, когда вернётся. Тётушка, вы с Цуньлань, если будет скучно, заходите к нам в гости. Цзюцзю и Цуньлань хорошо ладят, пусть девочки вместе читают и вышивают.

Е Таохун была не в духе. Свёкор заставил её срочно купить ткань и сшить себе и Цуньянь новые платья, чтобы Баои уходил со спокойной душой. Они съездили в уездный город, выбрали понравившийся шёлк, скроили и за ночь сшили наряды. Когда-то она мечтала о шёлковых платьях, а теперь, надев их, не чувствовала и сотой доли той радости, что представляла.

Жена Баои как раз сокрушалась о том, как им с дочерью жить, когда муж уйдёт. Услышав приглашение, она тут же с радостью согласилась. Раз Баоли не идёт на службу из-за беременности жены, значит, и по дому третья ветвь должна работать больше, это справедливо. Она будет делать только свою часть работы и ни о ком больше не станет беспокоиться.

Когда вся работа будет сделана, она пойдёт с Цуньянь к братцу Хуа. Если дочь будет учиться вместе с Цзюцзю, это всяко лучше, чем сидеть дома и терпеть издевательства от сыновей третьей ветви.

На следующее утро, едва взошло солнце, Цю Хуанянь услышал на улице звуки гонгов и барабанов. Он открыл ворота и выглянул. Возвращалась свадебная процессия.

Впереди на одолженном муле, украшенном красной тканью, ехал Юньтин. За ним шли музыканты, а замыкал шествие потрёпанный свадебный паланкин, который несли четверо носильщиков. Их наняли в городе, выбрав самый дешёвый вариант. Даже за одно утро пришлось заплатить один цянь серебра.

Новоиспечённый молодой супруг сидел внутри. Сквозь щели в колышущихся занавесках виднелись его красное покрывало и свадебный наряд. Приданое привезли ещё вчера вечером. Два одеяла и матрасы уже были расстелены на кане в свадебной комнате, там же стоял новый шкаф. Кроме того, семья новобрачного дала ему в приданое прялку — по деревенским меркам это было очень богато.

Цю Хуанянь смотрел, как жених, сияя от счастья, проезжает мимо его дома. Улыбка не сходила с лица этого дюжего парня, он приветствовал всех, кто поздравлял его. Рядом бежала ватага детей, выпрашивая сладости.

Ду Юньсэ незаметно подошёл и встал рядом с супругом, но смотрел не на свадебную процессию, а на него самого.

— В следующем году мы тоже сыграем свадьбу.

Цю Хуанянь моргнул, не сразу поняв. Им и вправду не хватало пышной, запоминающейся на всю жизнь свадьбы. Он любил ритуалы. В современной жизни у него не было такой возможности, но здесь, в древности, с любимым человеком под боком, это нельзя упускать. Впрочем... нельзя, чтобы кое-кто так легко добился своего.

Юноша с лукавой улыбкой посмотрел на Ду Юньсэ и нарочно сказал:

— А кто обещал за тебя выйти? Если хочешь на мне жениться, это будет не так-то просто.

Собеседник плавно подхватил игру:

— Тогда что же нужно сделать братцу Хуа, чтобы он согласился?

Цю Хуанянь приложил палец к подбородку и сделал вид, что задумался.

— Ты слышал о четырёх великих радостях жизни?

— Прошу братца Хуа просветить меня.

— Четыре великих радости жизни — это долгожданный дождь после засухи и встреча со старым другом на чужбине. Брачная ночь при свечах и... имя в золотом списке заслуживших высшую честь.

Юноша произнёс последние слова с улыбкой на губах, томно и многозначительно.

— Великий наш Вэньцуйсин, как говорится, радость не приходит одна. Пока не исполнится вторая половина, о первой и не мечтай.

Прикрываясь воротами, он вдруг приблизился к Ду Юньсэ. Его лицо, прекрасное, как цветок, оказалось совсем близко, ясные глаза сияли, а дыхание пахло орхидеями. Сердце молодого человека пропустило удар, и ему отчаянно захотелось сжать этого человека в объятиях.

Цю Хуанянь с удовольствием наблюдал, как потемнел и напрягся взгляд супруга, и довольно прищурил глаза. Кто знает, может, Ду Юньсэ и вправду вечно будет изображать из себя благородного мужа? Лекарство ещё не допито, плотских утех ему точно не видать, так пусть хоть помучается в предвкушении.

Праздничные звуки суны и барабанов всё ещё разносились в воздухе. Под удаляющиеся звуки музыки Ду Юньсэ внезапно наклонился и поцеловал юношу в уголок его по-лисьи изогнутых губ.

После поцелуя Ду Юньсэ, глядя на покрасневшие щёки Цю Хуаняня, хрипло сказал:

— Когда моё имя окажется в золотом списке, тогда и наступит наша брачная ночь. Братец Хуа, ты сам это пообещал, и я всё запомнил. Я дам тебе самое лучшее.

Он хотел, чтобы в миг его величайшего триумфа, на пике славы, когда блестящее будущее распахнёт перед ним свои двери, этот человек безраздельно принадлежал ему. На всю жизнь, на все последующие жизни.

<http://bllate.org/book/15363/1417493>